

Теория социальных эстафет как подход в библиотековедении
The Theory of Social Relays as an Approach to Library Science
Теорія соціальних естафет як підхід у бібліотекознавстві

Е. Н. Гусева

Российская государственная библиотека, Москва, Россия

Evgeniya Guseva

Russian State Library, Moscow, Russia

Є. М. Гусєва

Російська державна бібліотека, Москва, Росія

Целью данной статьи является желание показать применимость философских теорий социальных эстафет и механизма преемственности в культуре для библиотековедения; обосновать, если не новый, то интересный, подход к исследованию библиотеки как социально-культурного явления.

This paper aims at revealing the possibility to use the philosophical theory of social relays and the mechanism of succession in culture in the context of library science, and at grounding if not a new, then at least an interesting approach to investigating a library as a social and cultural phenomenon.

Метою даної статті є бажання продемонструвати можливість застосування філософських теорій соціальних естафет і механізму послідовності в культурі для бібліотекознавства; обґрунтувати якщо не новий, то цікавий підхід до дослідження бібліотеки як соціально-культурного явища.

Разработка основных положений теории социальных эстафет и нормативных систем принадлежит Михаилу Александровичу Розову¹ и группе его соратников и учеников. Термин «социальная эстафета» был предложен в середине 80-х годов прошлого века вместо ранее принятых данной группой исследователей терминов «нормативная структура» и «нормативная система».

Если давать краткую характеристику данной теории, то она сведется к нескольким основным положениям. В основе воспроизведения социальных явлений (по-другому, в основе социальной памяти) лежит способность индивида и социума действовать по неким образцам, и это – глубокий и фундаментальный механизм существования культуры, на который опираются все остальные социокультурные программы². Любой член социума, в своей деятельности руководствуется некоторым, уже известными ему заранее образцами или представлениями о том, как его деятельность должна происходить. В подавляющем большинстве такие представления имеют характер неких нормативов, правил, предписаний, зная и предполагая которые участник социального действия вправе требовать от объекта своего действия конкретной, определенной реакции (ответа) или взаимодействия.

Авторы теории приходят к выводу, что реальность известна заранее (то есть, не дана индивиду непосредственно), и при воспроизводстве социальной деятельности на самом деле воспроизводятся знания о том, как эта деятельность должна происходить. Говоря словами авторов этой идеи «... исторический процесс начинает функционировать здесь как образец для человеческой индивидуальной деятельности»³, и при этом, «... действия каждого участника выступают в двух функциях: с одной стороны, они – образец для подражания, норматив, которому должны следовать остальные

¹ См., например: На теневой стороне. Материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 412 с.; Розов М.А. Научное знание и механизмы социальной памяти: научный доклад на соиск. ... д-ра философских наук. М., 1990.; Розов М.А. О судьбах эпистемологии и философии науки // Философия. Наука. Цивилизация. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 38–61.

² Розов М.А. К методологии анализа рефлектирующих систем // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования: [сб. ст.] / отв. ред. И.С. Ладенко. Новосибирск: Наука, 1987. С. 32–43.

³ Розов, М.А. О судьбах эпистемологии и философии науки // Философия, наука, цивилизация / под ред. В.В. Казютинского. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 59.

участники, но с другой – сами действия тоже нормированы и представляют собой продукт уже состоявшегося акта копирования, реализацию некоторой продукцией нормы»⁴.

Вслед за Габриэлем Тардом (J.-G. Tarde) М.А. Розов проводит аналогию между социальными институтами и волной, вводит понятие социального куматоида (от греческого kuma – волна), понимая под этим социальные программы поведения и деятельности, базирующиеся на постоянно обновляемом материале.

Одиночная социальная эстафета (это идеальный конструкт) может быть сравнима с одиночной волной на поверхности водоема, которая – согласно физическим законам – идет по поверхности, во времени и пространстве, захватывая все новое вещество, но, не меняясь в своей сути⁵, Все социальные эстафеты тесно взаимосвязаны с социальным пространством; они бывают разных типов, в том числе, непосредственные и опосредованные; как правило, эстафеты имеют сопряженный характер; каждый субъект может и участвовать в нескольких эстафетах, и переходить из одной социальной эстафеты в другую. К тому же, «... реализация образцов в рамках одной эстафеты является условием реализации образцов другой»⁶, Социальные эстафеты вообще – это комплексное явление, основную часть в котором занимает уже совершившаяся, закреплённая в качества образца, неявная и, таким образом, идеальная, деятельность⁷,

Я полагаю, что для обозначения характера социальных эстафет-куматоидов можно применить термин философии постмодернизма «ризомы»⁸. Это понятие было предложено Жилем Делезом (J. Deleuze) и Феликсом Гваттари (F. Guattari) для обозначения способа социального бытия. Ризомы означают принципиально нелинейный способ организации целого и разрушение установки на обнаружение центра структуры. Признавая ризомность социальной эстафеты можно уйти от обвинения в детерминизме и жесткой заданности образцов деятельности.

Передача образца может происходить путем непосредственного подражания, воспроизведения действия или следованием описанию способа действия, и таким образом, акт деятельности представляет собой связь «образец – реализация» и несет собой опыт деятельности (в том числе, и поведения) от человека к человеку и от поколения к поколению.⁹ При этом, «Социальные эстафеты вовсе не исключают свободы человека, не исключают возможности творчества. ... человек является актуальным или потенциальным участником огромного множества эстафет. Он может выбирать ...»¹⁰.

Если основываться на том понимании, что базовые механизмы социальной памяти представляют собой некую социальную эстафету, которая в упрощенной форме является цепочкой актов деятельности, то теория социальных эстафет представляется развитием деятельностного подхода в науке.

Я предлагаю, основываясь на теории механизмов, обеспечивающих постоянное развитие социума, исследовать сегодняшнюю библиотеку как социальное явление, так как понять библиотеку, отталкиваясь только от ее свойств и функций, уже не представляется возможным.

Предлагаемый подход представляется продуктивным, когда мы начинаем изучать соотношение традиционного и новационного в библиотечной деятельности¹¹; этот же подход плодотворен для исследования механизма развития библиотеки, как социального куматоида, входящего в

⁴ Розов М.А. Понятие исследовательской программы // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск, 1987. С. 11.

⁵ Найдыш В.М. Концепции современного естествознания: уч. пос. М.: Гардарики, 1999. 476 с.

⁶ Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / РАН, Ин-т философии. М.: Новый хронограф, 2008. С. 91.

⁷ На теневой стороне. Материалы к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 412 с.

⁸ Ризомы в ботанике – это корневище, переплетающиеся ответвления корня и клубней (прим. авт.).

⁹ Розова, С.С. Теория социальных эстафет в эпистемологических и философско-научных исследованиях // На теневой стороне ... Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 297.

¹⁰ Беседа проф. А.Г. Егорова и М.А. Розовым // На теневой стороне ... Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 154-155.

¹¹ В данном контексте понятия «традиции» и «новации» понимаются как социально-философские понятия с максимально широким смыслом (Прим. авт.)

социальную эстафету накопления и трансляции информации (или знания?), и может стать методологической базой дальнейших исследований.

Можно сказать, что понятия «инновация» и «традиция» являются уже «традиционной» бинарной оппозицией, из которой исходят в анализе процессов изменений культуры. Исследование категорий «традиция» и «инновация» в отечественной философской мысли имеет длительную историю, но, в силу многогранности этих явлений и многовариантности проявлений их в общественной жизни, до сих пор нет единого подхода к их пониманию и объяснению¹²,

До середины шестидесятых годов исследование взаимоотношений традиции и инновации (компонента модернизации) сводился к их противопоставлению¹³: традиция понималась как оппозиция модернизации, а модернизация считалась инновационным социальным процессом. Сегодня концепция модернизации не ограничивается только инновационным процессом и преодолением традиций. Взгляды на инновации как социально-философский и культурный феномен претерпели существенное изменение.

Сегодняшние философы, исследующие механизмы преемственности в культуре полагают, что «... Специфику традиции как социальной связи людей в процессе деятельности составляет обязательность истолкования субъектом транслируемых образцов применительно к изменившейся ситуации деятельности»¹⁴, поэтому в ходе копирования, воспроизведения образца деятельности у каждого участника происходят, чаще неосознанно, изменения, искажения этого образца, которые в совокупности носят существенный характер. Воспроизводится не первоначальный образец деятельности, а непосредственно предшествующий, который – в предельном случае – может очень сильно отличаться от первого. Человек-участник эстафеты постоянно меняет контекст эстафет, постоянно воспроизводя с изменениями образцы (отличные от предшествующих образцов) предыдущей деятельности. Такое понимание приводит к необходимости воспользоваться понятием «инновация», «инновационная деятельность».

Сама инновационная деятельность может быть (с достаточной долей упрощения) подразделена на две группы: совершенствующая и радикальная. Различие между ними заключается, в частности, в том, что совершенствование хорошо уживается с существующими организационными (традиционными) структурами, вписывается в них. Радикальность означает подрыв (радикальное изменение) или слом (вплоть до уничтожения) неких социальных эстафет.

Но в любом случае инновационная деятельность становится инновационной только тогда, когда приобретает некоторый «тираж», то есть, когда опыт осуществления этой деятельности становится доступным другим. В этот момент происходит фиксация и рефлексия инновационного опыта, его культурное оформление, которое включает механизмы трансляции и «отрадиционивания»: в момент «признания» инновации запускается механизм легитимации, что приводит к превращению инновации в устоявшуюся социальную практику – обыденность, рутину¹⁵. Момент полной пролиферации (врастания) уже бывшей инновации, ставшей «обыденностью», приводит к появлению некоей традиции восприятия или использования ее. Инновация в начальной своей фазе, безусловно, противоположна тому, что потом будет признано в качестве социально закрепленной «рутины» и если такая «обыденность» понимается как противоположность традиции, то инновация, конечно, традиции противоположна.

Социальные эстафеты не тождественны традициям, эстафета – это воспроизведение образцов деятельности в рамках конкретного исторического отрезка времени, что позволяет говорить о наличии в механизме воспроизведения социальной эстафеты регуляторов, как традиции, так и новации. Если понимать любую деятельность, в том числе библиотечную, как социальную эстафету, то «... традиция здесь не противостоит новации, а как раз наоборот, включает ее в себя как

¹² См., например: Черепанова, Н.В. Традиции и новации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Совр. гум. академия. М., 2007. 31 с.; Тёркина, А.В. Инновация как социокультурный феномен: дис. ... канд. философ. наук / Моск. гум. ун-т. М., 2006. 166 с.

¹³ У истоков такого подхода стоял М. Вебер (Прим. авт.)

¹⁴ Власова В.Б., Данилина Е.А. Стабилизирующая и инновационная функции традиции как формы преемственности культуры // EVA-2008: мат. 11-ой ежегодной межд. конф. – URL: http://conf.cpic.ru/eva2008/rus/reports/report_1407.html. (дата обращения 01.04.2010.)

¹⁵ В данном контексте понятие «рутина» (от фр. Routine) используется как синоним понятия «обычай», «привычка» (согласно В. Далю), «устоявшаяся социальная практика» без какого-либо неодобрительного оттенка (Прим. авт.)

необходимый компонент единого механизма преемственности, а значит, и развития культуротворчества ...»¹⁶.

Сложность и малая результативность современных библиотековедческих исследований, на мой взгляд, не в последнюю очередь заключается в том, что «Главная трудность, на которую натолкнулось в своей эволюции социальное познание – это принципиальная невозможность в русле существовавших традиций конструировать формы научного познания социальной реальности, учитывая присущий ей аспект сознания и свободы»¹⁷. Эта трудность может быть преодолена путем понимания того, что базовые механизмы социальной деятельности представляют собой некую социальную эстафету, которая в упрощенной форме является цепочкой актов деятельности¹⁸, которые представляют собой воспроизведение образцов (культурных, социальных), а наличествующие социальные изменения можно и нужно характеризовать с точки зрения содержащихся в них новаций.

Такой подход также хорошо согласуется с социологическими теориями социальных изменений второй половины XX века, авторы которых (Э. Гидденс, П. Штомпка), находясь в рамках постмодернистской, организационно-деятельностной парадигмы, рассматривали социальные изменения как социально-исторический процесс, в котором «социальный агент» «актор», играет активную, преобразующую роль¹⁹.

Таким образом, я предлагаю, опираясь на две теории – теорию социальных эстафет М.А. Розова и теорию механизма преемственности в культуре (В.Б. Власовой, В.Г. Федотовой, Э. Маркаряна) – исследовать современную библиотеку как социальную эстафету, что позволит по-другому взглянуть на нее и спрогнозировать ее дальнейшее развитие.

¹⁶ Власова В.Б. Место и роль инновации в процессе преемственности культуры // Библиотека в контексте истории: мат. 8-й межд. науч. конф. М.: Пашков дом, 2009. С.13.

¹⁷ Розова С.С. Теория социальных эстафет в эпистемологических и философско-научных исследованиях // На теневой стороне ... Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 296–297.

¹⁸ Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / РАН, Ин-т философии. М.: Новый хронограф, 2008. С. 49.

¹⁹ Кирдина С.Г. Социальные изменения // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003, С.480–83.